

Буйственные поступки в виду Бородина

Его школярские будни будут прерваны «грозою двенадцатого года». Архивы приоткрывают подробности его военной судьбы.

21 августа 1812 г. генерал-кригс-комиссар А.И. Татищев пишет Н.С. Всеволожскому:

Милостивый государь мой, Николай Сергеевич!

Вчерашнего числа прибыл сюда от войск действующих армий первый транспорт раненых и больных, а в след за оным и другие ожидаются, при которых совсем почти не имеется медицинских чиновников; по уважению надобности сей относясь к Вашему Превосходительству покорнейше вас Милостивый Государь мой, прошу прикомандировать оных из здешней медико-хирургической академии сколь возможно более, ибо раненых и больных ожидается сюда до восьми тысяч человек, и приказать явиться им в Гошпиталь, учрежденный в Головинском дворце, кто же имянно командированы будут, почтить меня уведомлением. (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 4. Д. 68.)

Наполеон уже стоит у ворот – и Всеволожский отвечает немедленно:

Милостивый Государь мой, Александр Иванович!

По поводу требования Вашего Превосходительства от 21-го сего Августа за № 3255 честь имею препроводить при сем в учрежденный в Головинском дворце госпиталь студентов 4-го класса Императорской Медико-Хирургической Академии под присмотром искусных докторов и наставников их, дабы сим самым дать им случай как быть полезнее больным и прилежнее стараться об них, так равно и повторять то, чему они под руководством сих самых наставников учились <...>.

В списке из сорока пяти имен, прилагаемом к этому письму, под № 3 значится: *Михайло Достоевский*.

Однако дело идет не столь гладко. 23 августа Всеволожский жалуется московскому генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину: назначенные в Головинский госпиталь студенты 4-го класса, явившись к кригс-комиссару, «получили от него объявление, что им во время их служения при госпитале никакого жалованья производиться не будет». А посему указанные студенты «за выездом отсюда казначея с суммами, никакого пропитания не имеют». О том же Всеволожский почел необходимым отписать и самому генерал-кригс-комиссару. Татищев тут же ответил, что студенты, «откомандированные в гофшпиталь», возводят на него напраслину, ибо «не только жалованье им производиться будет во время нахождения их при Гофшпитале такое, как получали они при Академии; но даже и квартиры даны будут им».

До Бородинского сражения остается три дня.

27 августа (то есть на завтра после Бородина) граф Ростопчин сообщает Всеволожскому, что он дал предписание генерал-кригс-комиссару «о произведении откомандированным в Головинскую Гошпиталь студентам 4 класса жалованья по двести рублей в год». В тот же день один из чиновников генерал-губернатора извещает Всеволожского, чтобы он завтра поутру «изволил представить откомандированных студентов». Вице-президент Академии, видимо, несколько уязвленный тем, что на сей раз Ростопчин не обращается к нему лично, отвечает: означенные студенты, «быв мною уже откомандированными» в распоряжение генерал-кригс-комиссара, «не состоят более под начальством моим, и посему, не зная, где они теперь находятся, я и не могу их представить к Его Сиятельству».

Продлившаяся, очевидно, всего несколько дней «эйфория свободы» не лучшим образом сказалась на нравственности некоторых соучеников М.А. Достоевского. Об этом свидетельствует отношение Ростопчина к Всеволожскому от 28 августа, где он сообщает, что предписал шефу Московского гарнизонного полка (в нем будет позже служить Михаил Андреевич) «Медико-хирургической Академии студентов: Семена Обтеперамен-